

«Топтунам» —

ОТ ВОРОТ ПОВОРОТ

Праздное суесловие часто мешает установлению истины

В «Уральском рабочем» за 29 января опубликована статья «ТАЙНА НАВЕКИ?», посвященная 50-летию со дня гибели на Северном Урале туристической группы Игоря Дятлова. В материале есть ссылка на меня — полвека назад я в качестве следователя по особо важным делам областной прокуратуры первым начинал расследовать это дело. Только почему-то автор назвал меня Коротковым, а не Коротаевым.

Но не это главное. В дни, когда отмечалась полувековая годовщина трагедии, СМИ публиковали много материалов на эту тему, она широко обсуждалась во время встречи в УПИ. И меня просто поразило, как много самых нелепых домыслов возникло вокруг давнего события на горе Мертвецов. Чего только не навывдумывали охочие до сенсаций «исследователи»! Одни на полном серьезе винят в происшедшем инопланетян, другие сочиняют, что якобы туристы не поделили то ли спирт, то ли девчонок и поубивали друг друга. Противно читать и слушать подобные глупости.

Совершенно не согласен и с утверждением, что, помимо официального уголовного дела по факту гибели дятловцев, существует еще одно — засекреченное. Ответственно заявляю: никакого второго дела нет и не было. Предполагаю, что Юдин держал в руках материалы надзорного производства, на титульном листе которых тоже есть слова «Уголовное дело», это и ввело его в заблуждение.

Что касается других, более правдоподобных версий гибели группы, то я считаю наиболее вероятной ту, что связана с испытаниями оружия. Такой вывод мне позволяют сделать материалы расследования, которым я занимался по свежим следам. Окончательно пролить свет на события полувековой давности могло бы военное ведомство, рассекретив данные тех лет, интересующие следствие.

Вообще я выявил такую закономерность: чем больше времени проходит после того или иного события, тем больше обнаруживается «свидетелей», которые, образно выражаясь, только «затаптывают следы». Еще один пример, подтверждающий этот вывод: публикации в СМИ по поводу 35-летия со дня выдворения из Советского Союза Александра Солженицина, в которых тоже допущено много неточностей.

Так случилось, что мне также довелось близко соприкоснуться с этим событием. После того как писателю была присуждена Нобелевская премия за книгу «Архипелаг Гулаг», Политбюро КПСС решило пресечь его «антисоветскую деятельность» и привлечь к уголовной ответственности «за измену Родине». Надо было обеспечить соответствующую правовую базу, и тогдашний Генеральный прокурор СССР Роман Руденко вызвал меня, чтобы я дал заключение,

насколько соответствуют действительности факты, изложенные в «Архипелаге».

Надо сказать, что Руденко — блестящий юрист и главный обвинитель на Нюрнбергском процессе, в отечественных тюрьмах и лагерях не бывал, жизнь советских зэков представлял только по докладам подчиненных. А у меня к тому времени за плечами было четыре года работы в Ивдельских лагерях.

Я доложил Генпрокурору, что все написанное Солженициным — правда, да и то не вся. На самом деле действительность еще более ужасна. Привел примеры из практики, когда заключенные в знак протеста против произвола лагерной администрации зашивали себе рты, выкалывали на лбах татуировку «Рабы КПСС». От меня Руденко впервые услышал о существовании в тюрьмах пресс-хат, где с помощью зэков из осужденных выбивали нужные признания. Генпрокурор сначала даже засомневался, не стущаю ли я краски. Послал в Свердловскую область своих помощников с проверкой, и она подтвердила мою правоту.

Руденко доложил о результатах в Политбюро, которое тем не менее потребовало возбудить против Солженицина уголовное дело за антисоветскую пропаганду и агитацию. Старший следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры Юрий Зверев вынес постановление об обыске на даче Мстислава Ростроповича, который приютил опального писателя, и поручил мне эту операцию. Но я отказался.

Роман Андреевич Руденко проявил мудрость и, несмотря на давление со стороны Политбюро, убедил партийных вождей, что целесообразнее выслать Солженицина из страны, а не отправлять его обратно на нары, тем более что у прокуратуры нет доказательств клеветы на советский строй и антисоветской деятельности писателя. 13 февраля 1974 года Солженицина отправили во Франкфурт-на-Майне, и этот день стал началом его многолетнего изгнания. После отъезда Александра Исаевича уголовное дело по статье «Измена Родине» с подачи Руденко было прекращено: «Нельзя обвинить в измене Родине человека, который уже не является гражданином СССР».

Но прошло еще почти двадцать лет, прежде чем писатель был полностью реабилитирован. В этом заслуга нашего земляка, тогдашнего Президента России Бориса Ельцина. Кстати, в судьбе нобелевского лауреата большое участие принимал еще один наш земляк — Николай Трубин. В 1991 году он занимал пост Генерального прокурора СССР, и именно его подпись стоит под телеграммой, отправленной в Вермонт. В ней он сообщает, что уголовное дело против Солженицина прекращено «за отсутствием состава преступления» и приносит извинения за неправомерные действия бывших работников прокуратуры СССР.

В компетенции таких свидетелей событий вряд ли кто усомнится. А всем желающим приобщиться к истории за счет неумных выдумок надо давать от ворот поворот. Или как минимум аргументированно возражать.